

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2010. 40 с.
2. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2002. 284 с.
3. Иссерс О. С. Речевое воздействие М.: Флинта; Наука, 2009. 224 с.
4. Ключев Е. В. Речевая коммуникация: Учебное пособие для университетов и вузов. М.: Издательство ПРИОР, 1998. 224 с.
5. Красовская О. В. О речевой коммуникации в судебной практике. М.: Флинта; Наука, 2008. 128 с.
6. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: Монография. М.: Гнозис. 407 с.
7. Тарасов Е. Ф. Речевое воздействие: методология и теория // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 5–18.

REFERENCES

1. Dubrovskaja T. V. Sudebnyj diskurs: rechevoe povedenie sud'i: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Saratov, 2010. 40 s.
2. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechie. Izd. 2-e. M.: Editorial URSS, 2002. 284 s.
3. Issers O. S. Rechevoe vozdejstvie M.: Flinta; Nauka, 2009. 224 s.
4. Kljuev E. V. Rechevaja kommunikatsija: Uchebnoe posobie dlja universitetov i vuzov. M.: Izdatel'stvo PRIOR, 1998. 224 s.
5. Krasovskaja O. V. O rechevoj kommunikatsii v sudebnoj praktike. M.: Flinta; Nauka, 2008. 128 s.
6. Oljanich A. V. Prezentatsionnaja teorija diskursa: Monografija. M.: Gnozis. 407 s.
7. Tarasov E. F. Rechevoe vozdejstvie: metodologija i teorija // Optimizacija rechevogo vozdejstvija. M.: Nauka, 1990. S. 5–18.

Ю. О. Поспелова

ВРЕМЕННЫЕ РАКУРСЫ ИЗОБРАЖЕНИЯ БОРОДИНСКОЙ БИТВЫ В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» (композиционно-синтаксический аспект)

Рассмотрены авторский и персонажный временные ракурсы изображения Бородинской битвы в романе Л. Н. Толстого «Война и мир». Охарактеризованы функционально-композиционные типы речи и созданные на их основе текстовые ситуации с временной доминантой.

Ключевые слова: время; автор; персонаж; текст; функционально-композиционные типы речи; текстовая ситуация; временная доминанта, временной ракурс.

Yu. Pospelova

Time Perspectives of Borodino Battle in L.N. Tolstoy's Novel *War and Piece* (compositional and syntactic aspect)

The author's and the character's time perspectives of Borodino Battle in War and piece, L. N. Tolstoy's novel, are discussed. Functional and compositional types of speech and text situations based on the of time dominant are described.

Keywords: time; author; character; text; functional and compositional types of speech; text situation; time dominant, time perspective.

Для романа «Война и мир» характерно разноаспектное представление времени: исторического, художественного, философского. Идея времени — одна из главных в тексте, в котором переплетается прошлое, настоящее и будущее. Являясь важнейшим объектом изображения, оно само предстает как герой романа.

Время — категория, лингвистическая интерпретация которой заслуживает особого внимания. По словам И.И. Мещанинова, она принадлежит к числу тех понятий, которые «не только описываются при помощи языка, а выявляются в нем самом, в его лексике и грамматическом строе» [7, с. 196]. На представления о полевой структуре функционально-семантической категории темпоральности и языковых способах ее выражения неизбежно накладываются такие свойства художественного времени, как его многомерность и обратимость [12, с. 91–104].

Время, свободное от событий, является абстракцией. В романе Л. Н. Толстого присутствует особая «категория человеческого существования» — время жизни [14, с. 85–86].

Обратимся к кульминации романа — Бородинской битве. Ее изображение занимает двадцать одну главу 2-й части 3-го тома романа (XIX–XXXIX гл.):

24-го было сражение при Шевардинском редуте, 25-го не было пущено ни одного выстрела ни с той, ни с другой стороны, 26-го произошло Бородинское сражение (XIX гл.) [здесь и далее цитаты приводятся по изданию: Толстой Л. Н. Собрание сочинений в двенадцати томах. М.: Правда, 1987. Т. 3–6].

Прямь следствием Бородинского сражения было беспричинное бегство Наполеона из Москвы, возвращение по старой Смоленской дороге, гибель пятисоттысячного нашествия и гибель наполеоновской Франции, на которую в первый раз под Бородиным была наложена рука сильнейшего духом противника (XXXIX гл.).

«Отзвуки» этой битвы обнаруживаются и в других главах 3-го тома романа, и в его эпилоге. Масштабность и динамика ее изображения не в последнюю очередь обусловлены разнообразием композиционно-синтаксических средств создания временных ракурсов.

В романе присутствуют авторский и персональный временные ракурсы. Авторский временной ракурс предполагает парадоксальное сочетание вечности и минуты. Текст «Войны и мира» прошит темпоральными сигналами с явным предпочтением *минуты* (453 употребления) (чаще всего — в значении мгновения) и *года* (260) — *месяцу* (89), *мгновению* (86), *неделе* (75), *секунде* (56), *мигу* (1) [13].

С одной стороны, указываются хронологические рамки битвы — с рассвета («*в половине шестого*», «*начинало светать*», «*костры догорали в слабом свете утра*») и до вечера («*к вечеру*», «*к концу сражения*»). Описание Бородинского поля до и после битвы актуализировано лексемами *прежде* и *теперь*: «*Над всем полем, прежде столь весело-красивым, с его блестками штыков и дымами в утреннем солнце, стояла теперь мгла сырости и дыма и пахло странной кислотой селитры и крови*». С другой стороны, в ее изображении присутствует множество временных наслоений.

Автор не только «следит» за хронологией, но и управляет течением времени текста, то ускоряя, то замедляя его в разных частях романа. Он также руководит восприятием читателя, показывая в разных временных ракурсах явления общественной и частной жизни.

В «Войне и мире» создано многофигурное батальное полотно. При рассмотрении персонального временного ракурса следует иметь в виду сосуществование в романе реальных (около 50) и вымышленных лиц, названных и неназванных, время индивидуальное (персонифицированное) и массовое.

У каждого персонажа — свое ощущение времени, которое может ускоряться (напри-

мер, в текстовой зоне Пьера в самом начале боя, на батарее Раевского, частотна резкая смена событий, неоднократно подчеркивается отставание персонажа от времени происходящих событий). Оно может замедляться (например, для раненого князя Андрея, в текстовой зоне которого актуализируются ретроспективные связи). Расширению времени текста способствует также параллельный показ ключевых персонажей (прежде всего Наполеона и Кутузова):

Наполеон сидел под курганом и пил пуни, когда к нему прискакал адъютант Мюрата с уверениями, что русские будут разбиты, ежели его величество даст еще дивизию;

Он [Кутузов. — Ю. П.] выслушивал привозимые ему донесения, отдавал приказания, когда это требовалось подчиненным; но, выслушивая донесения, он, казалось, не интересовался смыслом слов того, что ему говорили, а что-то другое в выражении лиц, в тоне речи доносивших интересовало его.

О сложности временного изображения Бородинской битвы свидетельствует опыт экранизации романа Л. Н. Толстого. С. Ф. Бондарчук в книге «Желание чуда» подчеркивал динамику творческого вымысла и его реального воплощения в романе. Он считал метод сопряжения одним из главных у Толстого, сравнивая его текст с «мозаикой из цветных камешков, на которой изображен пейзаж. Каждый из них в отдельности сам по себе ничего не представляет, а в общей связи эти камешки, вроде бы совершенно не связанные друг с другом, дают цельную картину» [2, с. 106]. Это перекликается со словами самого Л. Н. Толстого: «Во всем, почти во всем, что я писал, мною руководила потребность собрания мыслей, сцепленных между собою... Но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одна из того сцепления, в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслью (я думаю), а чем-то другим, и выра-

зить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя» [11, с. 784]. В фильме С. Ф. Бондарчука, в отличие от итало-американского фильма К. Видора, мы видим живую картину Бородинской битвы, композиционно-синтаксическую динамику которой создает смена временных ракурсов, монтажное варьирование планов изображения.

Монтажная техника композиции романа, отмечаемая многими исследователями, «организует восприятие художественного времени и пространства, при ведущей роли первого» [5, с. 110]. Самым важным для композиционно-синтаксического анализа оказывается «способность монтажа «выстраивать» время, не прибегая к «условным титрам»: *прошло десять лет* и др.» [6, с. 46]. По мнению Т. М. Баталовой, монтаж «разрушает непрерывность течения художественного времени, связан с отбором эстетически значимых объектов восприятия, изображаемых предикативными компонентами текста» [1, с. 89].

Для интерпретации временных ракурсов изображения Бородинской битвы важно определить принцип выделения анализируемых текстовых фрагментов. В лингвистике выдвигалось множество подходов к делимитации текста (логический, пунктуационно-интонационный, собственно синтаксический, функционально-смысловой и др.). В нашем случае наиболее оптимален способ членения текста, в основе которого лежит темпоральный критерий, созвучный замыслу романа-эпопеи.

С. Г. Ильенко видит «в художественном произведении — и прежде всего в таком жанре, как роман <...> по крайней мере три типа реализации темпорально-функциональной перспективы повествования в зависимости от соотношения s/t , где s — совокупность языковых средств, используемых для изображения фрагмента действительности, а t — «романное» время, в которое «происходит» изображаемое» [3, с. 458]. На основе темпорального критерия ею были

выделены такие функционально-композиционные типы речи, как демонстрационный (ДТР), информационный (ИТР) и синтаксический (СТР).

ДТР «связан с показом действительности, с пошаговым ее изображением, при котором события, развивающиеся в незначительный хронологический период, представлены весьма детализированно» [3, с. 458]. ДТР настроен на совпадение времени истории и времени текста (трактовка данных терминов представлена в работе З. Я. Тураевой [12]), а также на растяжение последнего при изображении параллельных ситуаций:

В то время как Пьер входил в окоп, он заметил, что на батарее выстрелов не слышно было, но какие-то люди что-то делали там. Пьер не успел понять того, какие это были люди. Он увидел старшего полковника, задом к нему лежащего на валу, как будто рассматривающего что-то внизу, и видел одного, замеченного им, солдата, который, прорываясь вперед от людей, державших его за руку, кричал: «Братцы!» — и видел еще что-то странное.

ИТР связан с рассказом о действительности, чаще довольно кратким, в котором время истории (несколько часов, дней, лет, веков) заведомо больше времени текста:

Когда ранило и убивало людей, когда тянулись носилки, когда наши возвращались назад, когда виднелись сквозь дым большие массы неприятелей, никто не обращал никакого внимания на эти обстоятельства. Когда же вперед проезжала артиллерия, кавалерия, виднелись движения нашей пехоты, одобрительные замечания слышались со всех сторон. Но самое большое внимание заслуживали события совершенно посторонние, не имевшие никакого отношения к сражению. Как будто внимание этих нравственно измученных людей отдыхало на этих обычных, житейских событиях.

СТР «представляет собой синтаксическую по поводу действительности, обобщение, основанное на типических фактах и типиче-

ских проявлениях в поведении людей. Это своеобразные авторские отступления, облеченные в строгие грамматические формы предложения, а в ряде случаев — ССЦ» [3, с. 459]. Для этого типа речи характерны вневременность или временная нелокализованность:

Когда созрело яблоко и падает, — отчего оно падает? Оттого ли, что тяготеет к земле, оттого ли, что засыхает стержень, оттого ли, что сушится солнцем, что тяжелеет, что ветер трясет его, оттого ли, что стоящему внизу мальчику хочется съесть его? Ничто не причина. Все это только совпадение тех условий, при которых совершается всякое жизненное, органическое, стихийное событие.

В изображении Бородинской битвы в «Войне и мире» использованы все три функционально-композиционных типа речи, контаминация которых создает ощущение масштабности изображаемого события.

Варьирование авторского и персонажных временных ракурсов способствует трансформации типов речи. Трансформация ДТР происходит в результате растяжения времени текста в сравнении со временем истории в фрагментах, связанных с воспоминаниями героя:

Самое первое далекое детство вспомнилось князю Андрею, когда фельдшер торопившимися засученными руками расстегивал ему пуговицы и снимал с него платье. Доктор низко нагнулся над раной, оцупал ее и тяжело вздохнул. Потом он сделал знак кому-то. И мучительная боль внутри живота заставила князя Андрея потерять сознание. Когда он очнулся, разбитые кости бедра были вынуты, клоки мяса отрезаны, и рана перевязана. Ему прыскали в лицо водю. Как только князь Андрей открыл глаза, доктор нагнулся над ним, молча поцеловал его в губы и поспешно отошел.

В следующем фрагменте наблюдается синкретизм типов речи:

Когда он [Наполеон. — Ю. П.] перебирал в воображении всю эту странную русскую

кампанию, в которой не было выиграно ни одного сраженья, в которой в два месяца не взято ни знамен, ни пушек, ни корпусов войск, когда глядел на скрытно-печальные лица окружающих и слушал донесения о том, что русские всё стоят, — страшное чувство, подобное чувству, испытываемому в сновидениях, охватывало его, и ему приходили в голову все несчастные случайности, могущие погубить его. <...> Да, это было как во сне, когда человеку представляется наступающий на него злодей, и человек во сне размахнулся и ударил своего злодея с тем страшным усилием, которое, он знает, должно уничтожить его, и чувствует, что рука его, бессильная и мягкая, падает, как тряпка, и ужас неотразимой гибели обхватывает беспомощного человека.

На ДТР указывает пошаговое изображение действительности (*перебирал в воображении; глядел на лица; слушал донесения; страшное чувство охватывало его; приходили в голову все несчастные случайности* и др.), детализация изображения (*скрытно-печальные лица; рука его, бессильная и мягкая, как тряпка* и др.), плотность глагольно-процессуального и предметного рядов. Об ИТР свидетельствует краткость изложения событий. СТР — последнее предложение (в котором все происходящее видится Наполеону «как во сне»), имеющее сравнительно-обобщающий характер.

Благодаря варьированию временных ракурсов, самого характера течения времени в различных функционально-композиционных типах речи «создается пластическое ощущение текста» [5, с. 48].

Данные типы речи являются текстовой основой ситуаций с временной доминантой, в которых особую роль играют сложноподчиненные предложения (далее — СПП) с придаточными времени. «Текстовые ситуации определяются: 1) коммуникативными функциями; 2) коммуникативной установкой на художественное изображение, полемику, анализ, обобщение и др.; 3) формами

и способами изложения; 4) языковым материалом» [9, с. 7–8].

Важнейшую роль в их формировании играет временная доминанта. «Функциональная направленность целостного текста ... определяет вероятностные закономерности выбора категориальных характеристик отдельных высказываний, в конечном счете — выбора тех или иных форм наклонения, времени, лица и т. п.» [10, с. 14].

Доминантой текстовой ситуации является «компонент произведения, который приводит в движение и определяет отношения всех прочих компонентов» [8, с. 411]. По мнению С. Г. Ильенко, «наиболее «ударная», адаптированная синтаксическая единица обладает при реализации своей текстообразующей функции определенным радиусом действия, охватывает своим влиянием — собственно содержательным, концептуально-функциональным, а в ряде случаев и стилистическим, ту или иную область текста» [4, с. 13]. Такой «ударной» синтаксической единицей в рассматриваемых текстовых ситуациях являются СПП с придаточными времени. В изображении Бородинской битвы обнаружено 196 придаточных предложений, из которых 59 — временные. Они закономерно доминируют по сравнению с другими придаточными: цели (33), условными (32), причины (31), уступительными (20), присубстантивными (14), отождествительными (7).

Временная доминанта создается не только повтором союза (прежде всего *когда* — 46 раз), но конвергенцией разнообразных лексических, морфологических и синтаксических средств выражения темпоральности:

Когда ранило и убивало людей, когда тянулись носилки, когда наши возвращались назад, когда виднелись сквозь дым большие массы неприятелей, никто не обращал никакого внимания на эти обстоятельства. Когда же вперед проезжала артиллерия, кавалерия, виднелись движения нашей пехоты, одобрительные замечания слышались со всех сторон.

Таким образом, характеристика авторского и персонажного временных ракурсов изображения Бородинской битвы в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» неотделима от рассмотрения функционально-композиционных типов речи и созданных на их основе текстовых ситуаций с временной доминантой.

Список литературы

1. Баталова Т. М. Соотношение предикативных и релятивных отрезков текста (на материале английской поэзии и прозы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977.
2. Бондарчук С. Ф. Желание чуда. М., 1981.
3. Ильенко С. Г. Синтаксические единицы в тексте // Русистика: Избранные труды. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. С. 389–460.
4. Ильенко С. Г. Текстовый аспект в изучении синтаксических единиц // Текстовый аспект в изучении синтаксических единиц. Л., 1990. С. 4–19.
5. Мартьянова И. А. Кинематограф русского текста. СПб., 2011.
6. Мартьянова И. А. Категория динамики текста в композиционно-синтаксическом аспекте (на материале киносценария) // Текстовый аспект в изучении синтаксических единиц. Л., 1990. С. 44–53.
7. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М.; Л.: АН СССР, 1945.
8. Мукаржовский Я. Литературный язык и поэтический язык // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
9. Смуглаковская Р. Л. Лексико-семантические отношения в тексте (функционально-коммуникативный аспект). Л., 1987.
10. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990.
11. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22 т. М.: Художественная литература, Т. 18. 1984.
12. Тураева З. Я. Лингвистика текста. (Текст: структура и семантика). М., 1986.
13. Частотный словарь романа Л. Н. Толстого «Война и мир» / Сост.: З. Н. Великодворская, Г. С. Галкина, Г. Б. Куперман и др. Тула, 1978.
14. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

REFERENCES

1. Batalova T. M. Sootnoshenie predikativnyh i reljativnyh otrezkov teksta (na materiale anglijskoj poezii i prozy): Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1977.
2. Bondarchuk S.F. Zhelanie chuda. M., 1981.
3. Il'enko S. G. Sintaksicheskie edinicy v tekste // Rusistika: Izbrannye trudy. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2003. S. 389–460.
4. Il'enko S. G. Tekstovyj aspekt v izuchenii sintaksicheskikh edinits // Tekstovyj aspekt v izuchenii sintaksicheskikh edinits. L., 1990. S. 4–19.
5. Mart'janova I. A. Kinematograf russkogo teksta. SPb., 2011.
6. Mart'janova I. A. Kategorija dinamiki teksta v kompozitsionno-sintaksicheskom aspekte (na materiale kinostsenarija) // Tekstovyj aspekt v izuchenii sintaksicheskikh edinits. L., 1990. S. 44–53.
7. Meshchaninov I. I. Chleny predlozhenija i chasti rechi. M.; L.: AN SSSR, 1945.
8. Mukarzhovskij Ja. Literaturnyj jazyk i poeticheskij jazyk // Prazhskij lingvisticheskij kruzhok. M., 1967.
9. Smulakovskaja R. L. Leksiko-semanticheskie otnoshenija v tekste (funktsional'no-kommunikativnyj aspekt). L., 1987.
10. Teorija funktsional'noj grammatiki: Temporal'nost'. Modal'nost' / Otiv. red. A. V. Bondarko. L.: Nauka, 1990.
11. Tolstoj L. N. Sobraenie sochinenij: V 22 t. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1984. T. 18.
12. Turaeva Z. Ja. Lingvistika teksta. (Tekst: struktura i semantika). M., 1986.
13. Chastotnyj slovar' romana L. N. Tolstogo «Vojna i mir» / Sost.: Z. N. Velikodvorskaja, G. S. Galkina, G. B. Kuperman i dr. Tula, 1978.
14. Jakovleva E. S. Fragmenty russkoj jazykovoj kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vosprijatija). M., 1994.